

Следующую неделю Курама проработал, едва видя что-либо вокруг от ярости.

Была ирония в том, что именно это было толчком, который потребовался ему, чтобы перестать болтаться в этой петле незаметных срывов. У него были другие дела. Важные и требующие выполнения, и он всё ещё не мог поверить, что Человек-Обезьяна просто взял и закинул его обратно в Академию. Отродье было на седьмом небе от счастья. Курама — нет. Он выместил свой гнев на множестве, множестве карт, которые ему нужно было сопоставить.

Как всегда, библиотека служила его основным источником материалов. Вооружившись стопками бумаги, Курама проверил АНБУ, сидящих без дела на деревьях снаружи, прежде чем разгладить карты и начать почти лихорадочно прослеживать дороги. Были точки А и Б. Точкой А была Конохагакуре. Точкой Б был Ветер. Логистика между ними была примерно такой: девятьсот шестьдесят километров до границы с Ветром по прямой, ещё несколько сотен, если Курама хотел добраться до центральных районов страны. Это было ближайшее место, удовлетворяющее всем требованиям Курамы: изолированное от патрулей Конохи, изолированное в принципе, в нескольких днях пути от Конохи даже со скоростью ниндзя.

Девятьсот шестьдесят километров оставляли много неопределённости. Неделя прошла быстро.

Слишком скоро был уже понедельник, восьмое число, и Щенок был неуютным присутствием на их завтраке. В 8:00 ровно Курама, одетый в куртку, толстый шарф и дешёвые, изношенные кроссовки, оказался вытолканным через входную дверь. Снаружи листья были мертвы, а небо было серо. Ноябрьский воздух обдавал льдом щёки Курамы. В 8:20 он и отродье были в здании, вешая свои куртки на вешалки напротив классной комнаты.

Миозуми Миса была зеленоволосой куноичи с громким голосом и маленьким помещением. Класс был покрашен в цвета, удовлетворяющие вкусам маленьких детей. Там были пастельного цвета стены, ламинированные карты и ярко распечатанные постеры с болевыми точками человека и тому подобным. Там было только десять парт, расставленных полукругом. Курамина, судя по всему, срослась с принадлежащей отродью.

Его представили. Восемь других крошечных личинок человека пялились на него, то и дело перешептываясь.

После Курама приземлился в определённое ему место, опустил голову и немедленно двинулся навстречу сну. Он не просыпался раньше полудня почти целый год. Он недоспал четыре часа и не был даже близко к тому, чтобы нормально функционировать.

Миозуми Миса, однако, как отродье с энтузиазмом сообщило ранее, в самом деле следила за происходящим. Это не было благом. Спустя час его растолкало отродье, чтобы решать математические задачи.

Курама озадаченно моргнул, глядя на доску.

— Менма-кун, — сказала Миозуми. Она махнула рукой в сторону лотка с мелом, стоящего на её столе. — Ты можешь показать нам ответ на эту задачу?

Наконец-то определив суть окружающей его ситуации, Курама собирался автоматически выпалить продуманное "эм, нет", прежде чем вспомнить сказанную Человеком-Обезьяной совершенно нескрытую угрозу Щенка. Не то чтобы Щенок был большой угрозой, но предупреждение оставалось на месте. Три дня в неделю и так были плохи. Если бы Человек-Обезьяна увеличил требуемое от него время пребывания в Академии, у Курамы, наверное, случится инфаркт. Он задался вопросом, не было ли там никаких наград за хорошее поведение. А потом тут же задался вопросом, не мог бы он поджечь что-нибудь, просто назло. Ему не хотелось быть награждённым за хорошее поведение, ему хотелось покинуть это дурацкое учреждение. Потом его веки попытались склеиться в закрытом положении, и он задался вопросом, прекратит ли отродье, блять, тыкать его, если он решит задачу.

Быстрое сканирование дало ему месторасположение Щенка. Он сидел на дереве, откуда было прекрасно видно окна.

Курама поборолся с собой.

Ему очень, очень хотелось спать.

Ладно. Хорошо.

Решение задачи заняло от силы пять секунд. Это было деление в столбик. Ему не было в самом деле шесть, в конце концов. Неважно.

— Менма-кун, — медленно сказала Миозуми, когда он притащился обратно за свою парту и упал на свой стул. — Во сколько ты вчера лёг спать?

— По-о-оздно, — ответило отродье.

— Спокойной ночи, — раздражённо сказал Курама и опустил свою голову обратно на парту.

В этот раз его не трогали до самого полудня.

Его разбудил звонок. Он успел настолько привыкнуть к бесконечной болтовне отродья за прошедшие годы, что ничего тише крика не могло проделать подобное. Курама распахнул глаза и увидел суесящихся детей, со скрипом отодвигающих стулья от парт и достающих коробки с бенто, завёрнутые в узорчатую ткань, собирающихся в группы у нескольких избранных парт. Высунув язык, отродье, по-видимому, занималось тем же самым — прилагало усилия в попытках вытащить из своей парты стопку бенто, которую оно запихнуло туда ранее этим утром. Щенок сходил в магазин за ними вчера. Отродье сказала, что они ему не нужны, поскольку, по-видимому, обеденная программа Учihi Микото была по-прежнему на плаву —

напоминание, которое только увеличило нужду Курамы в... еде, которую готовили не Учихи.

Бенто с грохотом вывалились наружу.

— Отлично, — сказал Курама, потянувшись к ним рукой, но отродье быстро убрало их прочь.

— Мы не будем есть здесь, — сказало оно тоном, который подразумевал, что эту информацию Кураме полагалось уже знать.

— Нет? — смерил его взглядом Курама.

— Нет! — отродье издало звук, означающий "ты сегодня тупишь". — Ты должен встретиться со всеми, и они не в классе Мио-сенсея. Я уже несколько месяцев рассказывал им про тебя!

Эти же несколько месяцев отродье так же рассказывало Кураме про них. Дополнительные сведения ничем не увеличивали желание Курамы встретиться с группой малышни. Он закатил глаза:

— Вот пусть и дальше строят предположения. А теперь дай мне мою еду.

— Рама, ты тупица! Мы с таким волнением этого ждали!

— Я полностью удовлетворён и моим текущим сидячим положением, — насмешливо ответил Курама.

Отродье выпятило губу.

— Ладно, — сказало оно. — Ты напророчился.

Спустя две секунды Курама почувствовал секундную дезориентацию, вызванную резким подъёмом, после чего обнаружил себя ошеломлённо смотрящим на пол — или, возможно, потолок? Нет, это был пол — в то время как отродье обогнуло край парты и выскочило за дверь с Курамой, перекинутым через плечо.

— Ты, мелкий, — выплюнул он. — Я вырву твои волосы, отпусти меня немедленно — блять — нет, не поворачивай!

Отродье же лишь радостно смеялось, напевая "неа, неа, я не слышу тебя, Рама". Оно выбежало в коридор и повернуло направо на перекрестке, прежде чем ввалиться в дверь кабинета, ничем не отличающуюся от всех остальных дверей в здании.

— Ребята, это Рама! — воскликнуло отродье во всю мощь своих лёгких, как только они оказались внутри.

Двадцать пять, может быть тридцать детей прекратили заниматься своими делами. Двадцать пять, может быть, тридцать пар глаз обратились к ним. Отродье широким жестом показало на Кураму.

На секунду воцарилась обеспокоенная тишина.

Потом девочка с фиолетовыми волосами, сидящая в углу, фыркнула, поворачиваясь обратно и бормоча: "Угх, это просто Узумаки". Вскоре после этого разговоры возобновились. Судя по всему, отродье, вваливающееся в класс подобным образом, не было чем-то новым. Курама был совершенно не удивлён.

— Хэй, НАРУТО!

— Уже иду!

Отродье притащило их обоих прямо к скоплению парт, составленных вплотную друг к другу возле задних окон, заполненному полу-знакомыми лицами. Там был мелкий Учиха, как и Щенок-номер-два со своим щенком, спрятанным за пазухой свитера. Рядом с ним сидел крошечный, но пухлый человек со спиралями на щеках, сосредоточенно поедающий многоярусное бенто, и мальчишка в солнцезащитных очках, одетый в пальто, которое было ему велико. Распластавшийся лицом по парте и, видимо, спящий, последний член группы представлял собой в основном собранные в конский хвост и торчащие под абсурдными углами волосы. Эту позу Курама был бы счастлив тоже принять.

Пухляк — Акимичи, потому что спустя два десятка повторений Курама мог повторять истории отродья дословно — подвинулся влево, чтобы освободить место, давая отродью достаточно возможностей для маневра, чтобы то уронило Кураму на пустое сиденье.

— Ауч, — сказала отродье. Курама наступил на его ногу. Как смеет оно жаловаться. Это Курама был тем, кого уронили, словно мешок с рисом!

Остальное запланированное насилие, однако, пришлось приостановить из-за вопросов, потому что совершенно неожиданно Курама обнаружил себя в центре всеобщих приставаний.

— Вы двое вообще не похожи, — было первым наблюдением Щенка-номер-два. — Вы и правда двойняшки?

(Ответ был "нет". Отродье ответило: "Ага, ясен пень.")

За этим последовало сильно любопытное:

— Ты и правда такой умный, как этот дубина продолжает рассказывать?

(Ответ был "да", отродье ответило: "Умнее тебя, Кибя.")

И было ли Рама его настоящим именем (отродье ответило: "Только взрослые зовут его Менмой."), и почему его раньше не было в школе, и мог ли он съесть столько же рамена, сколько и отродье за раз, и верил ли он, что у девчонок вошки, и, и...

Теперь, когда тут не было никаких празднеств, которые могли бы его ошеломить, Щенок-номер-два выглядел решительно настроенным направить всё свое внимание на то, чтобы изучать эту новую и сияющую штуковину. Курама не снизошёл до ответа ни на один из вопросов. Для этого существовало отродье.

Спустя пять минут он спросил:

— Ты немой? — он закрыл рукой рот отродья. — Заткнись, Наруто. Я хочу послушать его самого.

Отродье издало негодующий звук и лизнуло руку Щенка-номер-два. Щенок-номер два остался непоколебим.

Воцарилась ожидающая тишина. Курама закатил глаза и продолжил молчать.

— Может, он не хочет разговаривать? — немного нервно вставил Акимичи, когда молчание затянулось на двадцать долгих секунд. Он показал на помятый пластиковый пакет на своих коленях. — Привет, меня зовут Чоджи. Хочешь... чипсов?

Курама искоса глянул на него.

— Это означает нет? — поинтересовался Акимичи.

— Рама нравится сладкое, — отродье наконец-то оторвало руку Щенка-номер-два от своего рта.
— Эй, Чоджи, дай мне немного!

Это, по-видимому, было сигналом для мелкого Учихи или что-то в таком духе, потому что он всучил аккуратно завернутый в ткань сверток в руки отродья. Оно сказала "А, точно", достало свой рюкзак и в такой же манере передало лакированную чёрную коробку для бенто обратно. Курама совершенно, совершенно не нуждался в постоянных напоминаниях о системе Учихи Микото.

Абураме вставил своё замечание со стороны:

— Я уверен, что мы причиняем ему дискомфорт. Почему? Потому что, как я слышал, брат Наруто обычно не вступает в социальные контакты. Я считаю, что мы должны поприветствовать его более спокойным образом, Киба.

— Заткнись, Шино.

— Вы все такие шумные, — сердито пробормотал конский хвост, наконец-то приподнимая свою голову, чтобы смерить их всех взглядом одного полуприкрытого глаза.

Они были. Они были невероятно, невероятно шумными.

— Прости, Шика, — сказала отродье, разламывая свои палочки для еды.

— Не прости, Шика, — сказал Щенок-номер-два.

Отродье принялось с аппетитом поедать свою еду. Курама заметил искусительное карри с рисом и чайные яйца. Разъединение слоев позволило нижнему ярусу, полному тефтелей, выпустить в воздух облако пара.

— У меня всегда лучшие бенто, — радостно сказала оно.

Мелкий Учиха закатил глаза.

— Ага, потому что их делает моя мама.

— Твоя мама лучше всех готовит бенто, — согласилось отродье.

— Эм, — сказал Акимичи. Он немного нерешительно поднял руку. — Вообще, если рассуждать с точки зрения композиции бенто, я думаю что... моя мама лучше? Совсем чуть-чуть.

Стоило ему начать, как разразившийся спор захватил почти всех за объединённым столом. Это включало Абураме, но не включало Нара, который даже не дёрнулся, когда палочка для еды пронеслась опасно близко к его голове. Собираясь воспользоваться всеобщим отвлечением по назначению, Курама покинул своё место вместе со своим нетронутым обедом. Он подумал над тем, чтобы покинуть класс. Он подумал над тем, чтобы покинуть здание. Он решил, что результат, вероятно, не будет стоить усилий. Высокие голоса детей жужжали, словно раздражающая радио статика.

В классе было мало пустых мест и ещё меньше тихих. Курама огляделся. Мелкая девчонка сидела в одиночестве в заднем углу, с красными наушниками поверх жвачно-розовых волос, сосредоточившись на книге. Это была не очень толстая книга. Чтение, однако, было единственной умной вещью, которой Курама видел кого-либо другого занимающимся, с тех

пор, как он зашёл в здание. И она носила наушники, что означало, что они не будут вступать в разговоры в ближайшее время. Хорошо. Он взял свой обед и сел на пустое место за прилегающей партой.

Спустя два укуса его темпур, девчонка подняла взгляд, заметила его присутствие и моргнула огромными и ошеломлёнными зелёными глазами. Она сняла свои наушники.

— Эм, — крайне робко сказала она. — Это место Ино...

Курама посмотрел на неё испепеляющим взглядом.

Конец предложения превратился в писк. Плечи опустились. Она отвернулась прочь.

Курама ел свой обед молча, удовлетворённый возможностью игнорировать и быть проигнорированным в ответ. Спустя секунду, когда девочка наконец осознала, что он не собирался делать ничего столь утомительного, как кусаться, она вернулась к своей книге. Время от времени она бросала в его сторону нервный взгляд. Это продолжалось примерно две минуты, а потом, словно она потратила последнюю сотню секунд, собираясь с духом, девчонка распрямила плечи и резко развернулась.

Её выражение лица выражало совершенно неуверенную решительность, что было... странно. Это было странное выражение лица.

— Эм-м. Меня зовут Сакура. Харуно, — её голос стал ещё выше. — А тебя?

Курама, полностью удовлетворённый прошлым равновесием их ситуации, нахмурился.

Он все равно не знал, как ответить на этот вопрос. Менма было официальным именем. Оно было... не суть важно. Рама было тем, что отродье, по всей видимости, говорило всем в этом Отцом-проклятом здании, но это было плохое прозвище, порождённое младенческой неспособностью произносить согласные. Он не собирался говорить ей и своё настоящее имя. Не Курама.

Он нахмурился ещё сильнее.

— Эм, — сказала девчонка. Жвачка. Она сжалась обратно в комок. Она резко напомнила Кураме одно из этих маленьких лесных существ, которые норовили сбежать прочь от любого звука. Сжавшаяся. Маленькая. Дрожащая.

А потом она начала привставать, выглядя встревоженной, и это было единственным предупреждением, которое Курама получил.

Нечто наклонило его стул назад и с силой дёрнуло в сторону. Курама поймал проблеск руки маленькой девочки, с ногтями, покрашенными в блестящий синий цвет, а потом увидел перед собой только пол — второй раз за полчаса. Он не врезался. Его ноги стояли более-менее твёрдо, но толчок заставил его пошатнуться.

— Эй, — сказал резкий, гневный голос. — Чем это ты по-твоему занимаешься?

И Курама собирался и правда укусить того, кому этот голос принадлежал, и Отец помог ему. Это была очередная девчонка: совсем светлые волосы, глаза Яманаки, синий свитер и лосины в полоску. Курама повернулся на каблуках, оскалив зубы и рыча, когда Жвачка вскочила со своего сиденья, размахивая руками.

— Ино, Ино, Ино, всё в порядке, всё в порядке! — поспешно проговорила она, что, по всей видимости, совершенно не успокоило мелкую Яманака, потому что она скрестила руки на груди и до невозможности полным сомнения тоном протянула: "Ага, Сакура", даже несмотря на то, что Жвачка продолжила свою речь. — Ну. Нет, правда. Он просто тихо сидел. И мне кажется, ему не нравилось, когда я разговаривала? Я имею в виду, я думаю, он просто искал тишины. И я могла её нарушить? Эм. Мне кажется? Прости!

Она замерла между ними двумя, лихорадочно вращая головой от мелкой Яманаки к Кураме и обратно, и извинение затерялось где-то в воздухе.

Курама сжал и разжал кулаки. Он не до конца проглотил свою язвительность, но после первого прилива насилия здравый смысл сказал ему, что выколоть глаз девчонки было плохой идеей из-за её последствий. Рука Жвачки повисла в его личном пространстве. Он смерил её взглядом. Мелкая Яманака смерила взглядом его.

Это были враждебные несколько секунд.

Мелкая Яманака с крайней неохотой отступила первой. Она убрала руки с груди.

— Хорошо, ладно, — сказала она голосом, говорящим, что всё было, в самом деле, совсем не хорошо, но она прекратила сверлить взглядом дыры в Кураме и переключилась на Жвачку. — И, Сакура, не извиняйся!

Жвачка дёрнулась, поворачиваясь к Ино.

— Прост... В смысле. Да.

— Я оставила тебя одну на пять минут! Чтобы выйти в туалет!

— Эм.

— Откуда он вообще явился?

На этот вопрос мелкая Яманака, впрочем, явно не ожидала ответа, потому что, взмахнув волосами, она прошла мимо него. Она чопорно присела на стул, откуда Курама был недавно без долгих размышлений эвакуирован. Она скрестила ноги.

— Ты — Узумаки Менма, — сказала она заносчивым тоном.

Не то чтобы Курама собирался опровергать это заявление.

— Мальчики постоянно о тебе говорят, — продолжила объяснение Яманака. А потом скорчила гримасу. — Ну, в основном, просто Наруто, но кроме него никого и не нужно. Он говорит громче всех из них.

— Я знаю.

Где-то слева от него упала парта.

Курама бросил взгляд в сторону звука и обнаружил отродье на полу вместе с Щенком-номер-два, в то время как Очки пытался разделить их, но безуспешно. Акимичи выглядел так, словно он вот-вот расплчется. Он стоял на коленях рядом с останками своей перевёрнутой коробки с бенто. Мелкий Учиха доставал помидор из своих волос. Нара, пребывающий в состоянии прекрасного дзена, развалился на стуле и игнорировал всё вокруг. Вокруг звучало множество криков, но, поскольку большинство из них исходили от отродья, Курама их едва замечал. Остаток класса ел свой обед и наблюдал с радостным интересом, как отправился в полёт рисовый шарик.

...Ага.

— Казуки-сенсей опять так разозлится, — мелкая Яманака выглядела совершенно не волнующейся по этому поводу. Она распрямила свои ноги и повернулась обратно к Кураме, выглядя уже менее сомневающейся. — Ну, если ты хотел избежать этого, то я не могу тебя винить, знаешь? Но ты не должен так смотреть. Особенно в сторону Сакуры.

— Я могу делать всё, что захочу, — угрожающе сказал Курама.

— Эм, нет, — сказала мелкая Яманака, но не продолжила, потому что в этот момент измотанный чунин-учитель, наконец-то вернувшийся со своего перерыва, открыл дверь и начал кричать.

— Добро пожаловать, — сказала Миозуми когда они вернулись спустя три минуты после того, как их вышвырнули, и остаток дня был заполнен смесью медитации и тренировок по метанию оружия.

Это был долгий, долгий день.

Впрочем, Курама и не ожидал обратного. Обременительная и глупая были двумя прилагательными, которые он относил к школе ниндзя, и теперь к ним присоединились шумная и ебучие драки едой. Чего он не ожидал на следующей день, так это когда появилась мелкая Яманака, забрала половину обеда Акимичи и украла Кураму как раз тогда, когда первый овощ набирал максимальную скорость. Она вцепилась своими ногтями в его руку, словно когтями, и утащила его прочь. Подошвы её маленьких коричневых ботинок цокали по полу.

— Мой папа сказал, что у тебя нет родителей, так что ты не виноват, что ты грубиян, — сказала она снисходительно-понимающе.

Курама смахнул её руку прочь.

— Именно так, — объявила мелкая Яманака.

— Привет, — сказала Жвачка, присоединяясь к ним с книгой под мышкой.

Сегодня Курама тоже принёс книгу. Она называлась "История пара" и была на несколько сотен страниц толще, чем любой другой материал для чтения в классной комнате. Жвачка немедленно сконцентрировала своё внимание на ней с голодным выражением лица.

— Эм, — сказала она. Курама смерил её взглядом, а потом протянул книгу, словно угощение для какого-то маленького, дикого животного.

Жвачка схватила её.

— Тебе нравится читать?

— ...Да, — ответил Курама.

— Мне тоже!

Яманака решительно кивнула.

— Вы можете вместе быть книжными червями.

Третий день прошёл в том же духе, что и второй. На четвёртый день Курама мог наконец-то снова спать до обеда. Он проснулся в час дня, чтобы изучить препятствия на дорогах, приходящие с муссонами Страны Огня, проработал, прямо пока отродье не пришло домой в

пять, неся с собой лапшу в пластиковых чашках, и был утащен прочь, чтобы помочь выбрать восемь ведер краски. Это было терпимо. Что не было терпимо, так это отродье каждый последующий вечер после этого — без остановки, одно и то же, пока в воскресенье Курама не сказал за завтраком, перебивая тираду отродья о создании его новейшей бомбочки с блёстками.

— Если ты попробуешь заставить меня пойти на вашу глупую встречу о розыгрышах, я вырву твой язык и задущу тебя им.

Отродье замерло с палочками для еды, повисшими в воздухе. Оно моргнуло. Его губы задрожали.

Курама успел потратить полсекунды на то, чтобы задаться вопросом, начнутся ли рыдания (что не имело никакого смысла, отродье было безумно и имело шкуру толще, чем стены деревни), прежде чем, демонстрируя эмоцию на совершенно противоположной стороне спектра, отродье вскочило с радостным воплем.

— Ты снова нормальный!

— Тцчт.

Курама был не сколько нормальным, сколько в высшей степени отвлечённым, но мысль была приятной.

Академия отвлекала. Она в принципе была раздражающей. С дополнительной задачей, вставленной в своё расписание, Курама имел куда меньше времени на работу, но в то же время он имел куда меньше времени на размышления. Там всё было так же глупо и бессмысленно — это мнение не изменилось ни на йоту. Ему и близко не было двенадцати лет и любой предоставленный учебный материал был либо оскорбителен, либо скучен.

Всё это было крайне, крайне глупо.

В понедельник следующей недели Миозуми дала ему стопку тестов. Помня о бродящем снаружи Щенке, Курама разобрался с математикой, языками, не написал "эта ебучая деревня" и единственное кандзи, обозначающее крик, вместо короткого эссе на тему "Хокаге Конохагакуре", после чего сделал географию и комплексную теорию чакры. Это было просто. Курама закончил меньше чем за два часа. Позже, в начале следующего дня, оказалось, что тесты были рассчитаны не на шестилетних детей, и Миозуми отвела его в сторону и сказала ему, что они были а) экзаменами для пятого класса и б) что если он хотел пойти в другой класс, по крайней мере в теории, он мог, потому что учебный план второго года не должен был стать для него ни в малейшей степени вызывающим.

Она просто повторяла за Человеком-Обезьяной. Курама пренебрежительно фыркнул сквозь зубы.

— Куда ты хочешь пойти, Менма-кун?

— В техническое училище, — ядовито ответил Курама. Он был обижен, что его обхитрили, хотя в ретроперспективе, она не сказала, какие именно это были тесты, только то, что они должны были дать представление о его способностях. Прежде чем он покинул Академию этим днём, она принесла ему книгу, названную "Шёлковый путь: от Молнии к Огню". Она весила как кирпич и выглядела в самом деле интересной.

Потом был обед.

Курама никогда не утверждал, что он понимает, как работают мозги маленьких человеческих детей. Это не отменяло того факта, что теперь он был постоянно окружён маленькими человеческими детьми. Яманака и Жвачка, по всей видимости, решили что-то. Курама не знал, что. Они нашли его за обедом и кружились, ну или в случае Жвачки, зависли вокруг, и в конечном счёте, к третьему дню второй недели он просто сразу двинулся в их угол сразу же, как отродье протолкнуло их обоих сквозь двери класса первогодок.

Жвачка и Яманака в основном, по всей видимости, работали как закрытая система. Случаи, когда они присоединялись к группе отродья, были редкими, но обычно включали в себя обед Акимичи и куда меньшее количество летающих в воздухе снарядов. Честно говоря они — это дуо — были не сильно лучше, чем группа отродья. Яманака говорила почти так же много, как и отродье, просто с лучшей артикуляцией и иным набором тем. Но по крайней мере в пяти партах в стороне вместе с ними Курама не был на пути траектории полёта случайной вилки или палочки для еды.

В конце второй недели отродье широко улыбнулось ему и сказала:

— Видишь, друзья это здорово! — после чего с некоторым сомнением добавило: — Даже если они девочки.

— У меня нет друзей, — ответил Курама.

Честное слово, Жвачка была самой терпимой из них всех.

Она была тихой, что делало её единственным тихим живым существом в классе. И она читала, что делало её единственным хоть сколько-то разумным существом в классе. Разумеется, её уровень чтения был значительно ниже, чем у Курамы. Книжки с картинками. Разбитые на главы книги с большими шрифтами. Он поймал её погружённой в упрощённую и сокращённую версию "Истории о резчике бамбука", что по крайней мере показывало, что у неё были приемлемые вкусы. Самым важным было то, что она не разговаривала с ним, или рядом с ним. Молчание было предпочитаемым для Курамы способом взаимодействия с пятилетками.

А потом выяснилось что Жвачка была не чудом здравого смысла, и была столь же разговорчивой, как и все остальные из них.

Это случилось, когда Яманаки не было в школе всю неделю вместе с Акимичи и Нарой. Курама не знал конкретных обстоятельств, но в понедельник четвёртой недели он пришёл на обед и обнаружил Жвачку сжавшейся и дрожащей, словно осинový лист, и группку других крошечных детей, окруживших её, и одна из них — с фиолетовыми волосами и веснушками — весьма раздражающим образом присела на стул, который теперь был принадлежащим Кураме местом.

Соответственно, Курама сказал ей:

— Встань.

Фиолетовые Волосы не встала. Она бросила один взгляд на Кураму, сказала, язвительно: "Ты теперь тусуешься с чудиками, большелобая?", на что Жвачка, которая до этого пыталась просочиться сквозь стул, среагировала на удивление пронзительным:

— Он не чудик!

— Это не то, что все остальные говорят. Все знают что он и его брат чудики.

— Это... — теперь Жвачка смотрела на Кураму, закусив губу и поникнув, с глазами огромными и зелёными. — Нельзя так говорить с людьми. Это... Плохо! Это так плохо. Ино...

Фиолетовые Волосы фыркнула.

— Ино здесь нет, Сакура.

Что это вообще было. Девчачья драма? Курама не был ни в малейшей степени оскорблён тем, что они, вероятно, задумывали как оскорбительные ремарки, но он был голоден, и он несколько надеялся, что Жвачка никогда не научится говорить таким пронзительным голосом, никогда.

Так что он взял пример с Яманаки и дёрнул стул достаточно сильно, чтобы стряхнуть с него Фиолетовые Волосы и отправить её на пол. Потом он сел, в то время как издаваемые отродьем непередаваемо возмущённые крики начали нарастать в громкости. Он сказал, чётко проговаривая слова:

— Если ты не уйдёшь, я натравлю на тебя своего глупого брата. По опыту скажу, что не думаю, что тебе это понравится.

Фиолетовые Волосы выпрямилась и перенесла свой вес на правую ногу.

— Эти идиоты? Они не могут...

Курама всадил свою ногу в её ботинок точно так же, как он делал, когда отродье начинало его раздражать.

— Я известен тем, что могу укусить, а вы в данный момент крайне раздражаете, — он почувствовал, как его выражение лица превращается в гневную гримасу. — Идите прочь.

Пять из пяти окружающих его детей побледнели.

Честно говоря, Курама не ожидал, что угроза сработает. Поэтому он и попытался натравить на неё отродье в первую очередь. Угрозы членовредительства никогда не вызывали у отродья ничего, кроме смеха или ответного укуса, а когда он пробовал использовать их на Яманаке, та только высокомерно дула на свои сохнувшие ногти. Толпящиеся вокруг дети в последнее время были практически частью мебели. Если бы мелочь осталась, Курама бы просто украл жвачкины наушники на неделю, чтобы есть и читать в тишине, пока Яманака не вернётся, поскольку, по всей видимости, они не были в хороших отношениях между собой.

— Ты уронила свою книгу, — сказал он жвачке, когда мелочь поспешно сбежала, потому что он покровительствовал литературе. Жвачка не сделала никаких движений в сторону её поднимания.

Курама рассеянно посмотрел поверх страниц своей книги и немедленно крайне встревожился.

Рот Жвачки превратился в тонкую, дрожащую, знакомую линию. Её глаза были огромными, дрожащими, знакомыми кругами. Если бы она начала шмыгать, Курама бы бросился оттуда со всех ног. Что за фигня, ему казалось что Жвачка тоже хотела, чтобы они ушли, учитывая какой пожухшей она выглядела.

— Если ты начнёшь плакать, — предупредил он, настороженно глядя на неё.

Жвачка улыбнулась. Это была дрожащая улыбка. Она прижала руки к своему рту.

И с этого дня она начала разговаривать с ним.

Кураме нравилась Жвачка по той единственной причине, что она с ним не разговаривала. Изначально он думал, что это было её натуральное состояние. Эта гипотеза оказалась опровергнута, потому что в понедельник четвёртой недели Жвачка, по всей видимости, оказалась решительно настроена доказать Кураме, что она может обогнать отродье по количеству произносимых слов. Да, её способ вести беседу был куда больше полон пауз, чем отродья или Яманаки, но количество её мнений не уходило далеко от этих двух. В течение недели он отчаянно надеялся, что это было результатом того, что Яманаки не было рядом, но... нет. Возвращение Яманаки не остановило поток слов.

— Ну, — сказала Яманака за обедом в понедельник пятой недели и повернулась к Кураме. —

Ты ничего так, — она похлопала Кураму по плечу. Тот дёрнулся от касания.

Он не понимал всего этого. Человеческие дети.

Первый снег выпал в декабре.

Он начал падать в середине вечера и продолжал идти всю ночь — поток кружащихся хлопьев. Однако, наутро небо очистилось. Толстое, блестящее одеяло белизны покрыло мир словно глазурь для торта. После обеда отродье запихнуло Кураму в пуховик и неудобные зимние штаны и отправилось в парк, чтобы свернуть накопившийся снег в кривобокого снеговика.

Континентальная география Конохи была причиной жаркого, жаркого лета и морозных, пусть и коротких зим. Курама и отродье спали под котацу чаще, чем в кровати. Обогреватель в их квартире был старым и нуждался в ремонте. Котацу прекрасно работало, хотя и имело ограниченную область действия. И, в отличие от прошлых раз, теперь Курама пытался сдавить отродье до смерти во время сна, замерзая даже с дополнительными свитером, пытаясь отогреться за счёт принадлежащего отродью, словно бутылке с горячей водой, тепла.

Было холодно и холодно, и днём и ночью. Конечности и пальцы не слушались Кураму, его кровь засыпала в жилах. Если он оставался снаружи слишком долго, холод пробирался в его череп и зубы и оседал мигренью. Зима была любимым сезоном Отца. В данный конкретный момент она была самым нелюбимым сезоном Курамы. В горах всё было иначе. Шесть месяцев и более вместо трёх в Конохагакуре снег образовывал сугробы буквально метры в высоту, в самые холодные недели деревья трескались, порой взрываясь. Это было хуже. В таком смысле. Но тогда Курама не был на милости самых опасных элементов природы. Он помнил ясное небо и тихую тоску Отца, смотрящего через витражные стёкла на мир вдалеке, в сезон, который, как он сказал Кураме, был ближе всего к родной земле его матери, принцессы Кагуи, затерянной где-то в пространстве и времени. В ночи перед солнцестоянием монахи в храме пили вино и ели тёмный ржаной хлеб, прежде чем отправиться наружу ровным строем, неся факелы, зажжённые искрами чакры; их голоса поднимались к небу в гимне для умерших.

Курама отправился в Академию, пришёл в библиотеку и читал доклады о юго-востоке Страны Ветра, пока его глаза не начали болеть, а слова на странице — размываться до нечитаемости. Он отслеживал печать в своих тетрадях снова и снова, попытался применить два с половиной экспериментальных ключа, а потом вырвал провальные результаты. Прямо перед Новым Годом Щенок взял их в поход по магазинам. Его чувство стиля было по-прежнему кошмарным. Им достались маленькие ботинки и шарфы, больше похожие на одеяла, и ослепляюще яркие зимние шапки с помпонами.

В субботу первой недели после праздников он столкнулся с Жвачкой в библиотеке, где-то в кулинарной секции, где Курама оценивал взглядом рецепты тортов, а Жвачка пыталась достать с полки книгу о весенних запахах. Она последовала за ним в читательский угол с двумя

изношенными диванчиками и портретом Мататаби между ними.

— На самом деле я не желаю твоего присутствия здесь, — сказал Курама ей, едва поднимая взгляд.

Жвачка почти успела открыть свою книгу, когда он сказал эти слова. Её лицо дрогнуло.

— Эм, ладно, — сказала она.

Курама принялся ждать, пока она не уйдёт, меж тем примеряясь к списку ингредиентов для сакура-моти, пока спустя пять минут всё ещё неуверенно медлящая на своём сидении Жвачка неожиданно не спросила неуверенным тоном:

— Хочешь пирожное?

Она достала пластиковый контейнер из своего рюкзака. Курама настороженно смерил его взглядом. Но он сегодня не взял с собой закусок, так что взял одно. Это было решение, о котором он немедленно пожалел — стоило его пальцам коснуться поверхности пирожного, как лицо Жвачки просияло.

А потом она принялась детально рассказывать ему всё о пирожных, супах и пузырьках, которые должны быть в идеальной чашке чая, и что её мать владела кафе, и я видела твою книгу, ты занимаешься выпечкой, Менма-кун? Это был крайне длинный, восторженный и односторонний разговор. Курама задался вопросом, могло ли что-либо на свете её заткнуть, а потом впал в отчаяние, потому что, если она хоть немного походила на отродье, то ответ был "нет, ничего".

Если она хоть немного походила на отродье, то попытка уйти в другое, более тихое место тоже ни к чему не приведёт. Она просто последует за ним.

В качестве мести он съел все принесённые Жвачкой пирожные.

Спустя три часа Курама покинул библиотеку с двумя книгами про заумную математику, своей поваренной книгой и медицинским справочником, призванным сделать медленное путешествие через всю анатомию и неврологию, которые лежали у него в квартире, немного проще. Зима была хорошим сезоном для чтения и исследований.

Однако в общем и целом для Курамы в ней ничего хорошего не было.

Добавилось ещё что-то, связанное с холодом, нехваткой жизни. Мороз проник в его кости точно так же, как он проник в землю, мёртвые деревья, пожухшую траву под всей этой белизной. Под ногами Курамы то, что должно было быть чакрой, подобной ртути, замедлилось до неуклюжей и сонной патоки. Рокот её, пребывающей в спячке, отдавался в его чувстве

чакры словно гравитация, тяня вниз.

Дни, которые он потратил в одиночестве в квартире, были кошмарны. Дни, которые он провёл в Академии, тоже были кошмарны, но по-другому. Академия была хорошим способом отвлечься. Курама терпеть её не мог.

Он медленно читал, щурясь, свои книги по анатомии и неврологии, сравнивая слова и глупую, переусложнённую физиологию. Ему пришлось вернуться в библиотеку за учебником по биологии для начинающих. Потом по химии. Большая часть информации, будучи наконец расшифрованной, мало чего проясняла. Проясняющие части тревожили.

Химия мозга. Энзимы. По всей видимости, список вещей, которые могли сломаться, был длинён, и Курама не имел ни малейшего понятия, какая из них сломалась в его случае. У хвостатых зверей не было... мозгов. Ничего сделанного из органики, которая была такой мягкой и склонной к ошибкам. Они были чакрой.

В конечном счёте он просто попытался не думать слишком сильно о мозгах.

У Курамы начались головные боли. Он проспал их. Он отправился в Академию и Миозуми попыталась принудить его потратить два часа снаружи при минус пятнадцати градусах мороза, практикуя каты. В учебные дни он легко срывался, в прочие он был мрачен и угрюм. Он пытался не думать слишком сильно. В его случае размышления совершенно не помогали. У него было слишком много времени, и слишком мало времени, и Академия отвлекала, и его работа отвлекала, но Курама, к сожалению, привык к тому, чтобы отодвигать то, что его отвлекает, на задний план.

Февраль пришёл без лишнего шума, но с очередным падением температуры. Последние три недели зимы, как правило, были самыми холодными. Курама знал, что март растопит снег — сначала в серую слякоть, потом в проливной дождь — кладя начало новому росту. Остаток сезона он одевался в слои одежды, всегда носил с собой термос, пил достаточно чая и лимонной воды, чтобы ощущать себя раздувшимся, оставался в помещении всегда, когда мог, и каким-то образом, каким-то образом всё равно умудрился подхватить простуду.

Отродье суетилось и кружилось вокруг. Щенок суетился ещё сильнее. Курама кашлял, сморкался и пил в равных количествах едкое лекарство от кашля и отвратительно горькие таблетки от мигрени, растворённые в чашке горячей воды.

Ему не понадобилось много времени, чтобы простуда превратилась в лихорадку.

Ну разумеется.

В пять вечера, когда отродье пришло из школы, Курама лежал лицом вниз на катацу, с головой, застрявшей на сорок пятой странице "Евклида в тропическом лесу", чувствуя себя слишком жарко и слишком холодно одновременно, желая уснуть, но не преуспевая в этом, держа глаза плотно закрытыми, потому что, когда он двигался, остальной мир искажался вокруг. Звук открывающейся двери послышался из странного, далёкого места.

— Рама, я дома-а-а! — позвало отродье. Звук доносился словно из-под воды.

Послышались шаги.

— Эй, Рама? Рама? — рука потрясла его плечо. Отродье говорило. — Рама, проснись, посмотри на меня, что происходит?

Курама моргнул.

Белый. Он не осознал, что он потерял сознание, но он лежал на спине, глядя на белый потолок. Пахло мылами, под этими запахами, антисептиком. И когда он моргнул снова, он увидел фон из городских огней и ночного неба с серпом луны. Ветер свистел в его волосах, леденил его щеку. Он распластался на чьём-то плече. Кто-то закутал его в миллион одеял, словно матрёшку, слишком туго и неудобно, и когда он издал сонный, яростный звук, рука Щенка поднялась, чтобы погладить заднюю часть его черепа, говоря: "Тс-с, тс-с", пока они прыгали по крышам. Курама склонил голову набок. Он не носил свою АНБУ маску, этот Щенок. Он пах лаком для бамбука, нервозностью и сердечной болью.

Курама моргнул, и эта сцена тоже растворилась.

Он проснулся обратно в квартире, лёжа под внушительной горой одеял, пока чакра сигнатура отродья лежала спящей в гостиной.

— Мргх? — сказал он немного разбито. Прикроватный будильник яркими зелёными цифрами показывал три часа утра.

Он, почти падая, встал с кровати. Ванная.

Отражённое в зеркале в ванной его лицо выглядело бледным и слабым. Ну, более бледным и слабым, чем обычно. Курама позволил тёплой воде намочить мыло в его руках. Браслет, которого не было там этим утром, был надет на его руку, походя на что-то из больницы. Он оторвал его и бросил в мусорное ведро.

Нападение мигрени заставило его сморщиться. Мир размылся, словно в кривом зеркале.

Ауч.

Он присел.

— Ебучие простуды, — пробормотал он и прищурился в сторону галогенных ламп.

Три лампочки, висящие в ряд. Их яркость заставляла его глаза ныть, и какая-то задняя часть его головы начала шептать предупреждения. Было три утра. Последний раз, когда он бодрствовал в три, был — несколько месяцев назад. Двенадцатое октября, когда он достал печати, которые никогда не работали.

Эти печати.

Курама фыркнул. Ебучие печати. Он повернулся и открыл шкафчик. Его тетради и ручки были, как всегда, спрятаны в задней части. Он вытащил их, пролистал до страниц, что открылись проще всего, разложил рисунки, которые он знал, потому что раз за разом прослеживал их линии.

Он прищурился.

И-и-и они тоже искажались. Некоторые чернильные линии раздувались, плыли. Курама цокнул языком. Он потёр глаза. Изображение не прояснилось, только размылось, словно размазанный пальцем уголь.

Лампы творили странные вещи. Печать творила странные, изменяющиеся вещи. Змеи и узлы. Как странно. Как странно.

Как странно, что это было так прекрасно.

Печать не должна была быть прекрасной. Она была раздражающей и презренной. Когда Курама, полностью сконцентрировавшись на задаче, не пытался расплести её, ему требовалось прикладывать усилия, чтобы не порвать всю тетрадь с её идиотскими чокнутыми шифрами и совершенно абстрактным основным потроением на кусочки. Но в то же время, сейчас было три утра, и Курама был достаточно не в себе, чтобы забыть её предназначение, её цель. Тогда, в эти секунды, прежде чем его мозг вырвался из зомбифицированного бреда, это была самая великолепная загадка, которую он видел за две тысячи лет. Он коснулся пальцами чернил, и печать была дерзкой и прекрасной во всех смыслах, что она не разрушила, смяла или подвела, она была прекрасна своей чистой эстетикой, которая не имела никакого смысла, этой спиралью в основе, тесным программированием усиливающих символов. Она была безумна и гениальна, и ужасна, и каким-то образом, к его смеху, работала.

Это было смешно. Это было в самом деле весьма смехотворно.

Рот Курамы кривился в улыбке без его разрешения.

Эта печать.

Эта печать.

И эта ситуация.

Если печать была смешна, то эта ситуация была на совершенно другом уровне истерии. Курама крутанул ручку в пальцах, глядя на то, как она отражает свет. Он чувствовал себя одновременно совершенно вменяемым и в то же время полностью сошедшим с ума.

Потому что ситуация была такова:

Вот был он, Курама, самое могущественное существо на планете. Вот он был, в теле шести лет от роду, но с разумом возрастом в две тысячи лет минус вся фигня которую человеческая неврология могла перевернуть в его голове, слишком слабый, тощий и склонный к лихорадкам, с глазами своего злейшего врага и волосами, и кожей, и отродьем, которое являлось её сыном. Он сидел в человеческой ванной комнате, со стенами, покрытыми пятнами от взорванных пятилеткой бомбочек с блёстками и частых перекусов. Здесь Курама знал происхождение каждой засечки и пятна масла, и сигнатура чакры, спящая в соседней комнате, была самой знакомой за тысячу лет новых встреч.

Его Отец сказал ему однажды: "Дети не должны быть отягощены наследием своих предков," и его Отец сказал: "Вы будете их направляющим светом, мои девять, мои сыновья и дочери". И его Отец, о, его Отец, всё то, что он не мог знать...

На глазах Курамы печать рассыпалась и вздымалась, чернильные линии превращались в машущие маленькие руки. Он надавил кончиком своей ручки в центре, следуя за спиральной линией.

Синие чернила потекли в печать, дыру. Плачущая бумага.

И эта ситуация:

Гнев, ненависть и раздражение, которые сконцентрировал Курама, потому что это было легко, потому что они были здесь и сейчас, потому что это было всё, что он имел сотни лет. Ему не нужно было ничего другого, и он не желал ничего другого. Всё это было тем, что он не хотел и не желал: отродье, этот глупый человеческий мальчик, говорящий "Я люблю тебя", как будто он знал, что это значило. Щенок, кто всегда пах сожалениями и старой кровью, кроме дней, когда Курама позволял ему уложить себя и отродье в кровать, как будто он знал, что это значило. Никто из них не знал, что значило что-либо. Никто из них вообще ничего не знал. Узумаки Менма не существовал, не существует, никогда не будет существовать. Всё, что представлял из себя этот исковерканный дом — это петлю на шее Курамы.

Эта ситуация.

Он никогда не просил её, их любви, никогда её не желал.

Но это было то, что он получил.

И это была проблема. Часть её. Половина. Это было то, что он получил.

Отродье — такое раздражающее, громкое и требовательное, с глазами Намиказе и улыбкой Кушины, и свободой Курамы, висящей на его шее, и половину времени Кураме хотелось ударить его, другую половину ему хотелось встряхнуть его, а в какие-то маленькие, редкие моменты этих шести лет Курама вздыхал, успокаивал его слёзы и говорил ему: "Всё будет в порядке, негодник". Щенок — всегда слишком близкий и слишком осторожный в своих наблюдениях, бесконечно разочаровывающий, назначенный тягловой лошастью. Эта деревня и её кошмарные традиции, и её кошмарные обитатели, её — Лапшичник, Жвачка, растущая библиотека — но это ничего не уравнивало. Оно никогда не смогло бы быть в равновесии. Иметь дело с этой деревней и её — всем — не могло быть ничем уравновешено.

Он думал об этом в каком-то бреду. Синие линии, которые он рисовал на печати, превращались в реку, ключ. Это не имело никакого смысла. Это было полностью осмысленно. Он думал об Узумаки Менме — мальчике, которого не существовало. Это было смешно в каком-то почти абстрактном смысле. Это была словно шутка между собой и собой. Возможно, это опять говорила его температура.

В конечном счёте, он стукнул себя по голове.

Это было больно.

Можно сказать.

— Лихорадки, — с отвращением сказал Курама, после чего вылез из ванной комнаты, чтобы свалиться на кровать.

Ночью в его рту что-то умерло. Курама сделал вдох, выпустил его наружу. Первое, что он увидел поутру, было лицо Щенка, а потом знакомство с чем-то отвратительно горьким для его вкусовых рецепторов, когда Щенок засунул ложку ему в рот.

— Что за чёрт, — сказал он, суматошно сглотив. Отвратительная штука, судя по своей кошмарности, вероятно была лекарством. Щенок выглядел невпечатлённым. Отродье виделось

крайне оранжевой кляксой у его кровати, поедающей яичницу с тарелки. Его вилка замерла на полпути между его коленями и ртом.

А потом и вилка, и тарелка отправились в полёт, спасённые только акробатическим рывком Щенка, в то время как отродье упало на одеяло.

— Ты проснулся! — его тон был обвиняющим. — Рама, ты упал в обморок!

Курама недостаточно проснулся для всего этого.

— ...Правда?

— Да!

Он попытался прочесать свою память. Нет, он определённо не припоминал ничего подобного. Из вчерашнего он помнил... мало чего. Вспышки. Ночное небо. Испуганный голос отродья, но не слова. Ванная, кажется? Или это был просто сон. Там было что-то вроде большого количества смеха в ванной.

...Это, наверное, был сон.

— Ха, — сказал он.

Отродье ткнуло его в грудь.

— Тупица! Не "хакай" тут. Медсестра сказала, что твоя температура поднялась до — до 42 градусов!

Поскольку Курама не помнил ничего такого, он только пожал плечами.

— Ну, упс, — сказал он.

— Тупица!

— Прекрати.

— Тупица, тупица!

— Ты говоришь так, словно мне нравится болеть, недоумок, — ответил Курама, после чего украл остаток яичницы у отродья.

Они неделю не выпускали его из кровати, что, по мнению Курамы, было чрезмерной предосторожностью. Он пил много горячего какао и опустил до того, чтобы решить sudoku из буклета, который принёс Щенок. Яманака прислала цветы; Жвачка прислала торт; всё, что прислала Учиха Микото, Курама сказал отродью не показывать в его присутствии. В последний понедельник перед мартом Щенок наконец покинул квартиру и отродье было загнано обратно в школу.

Курама встал из кровати в благословенно пустой квартире. В его ушах звенело от семи непрекращающихся дней отродьево́й болтовни. Он сделал себе чай, включил котаци, после чего достал один из десяти миллиардов супов, которые Щенок сложил в холодильник, себе на завтрак. Он составил мысленный список дел, пока ел. Он был коротким. Кураме нужно было зайти в библиотеку и взять новые книги, но пока что ему было запрещено выходить на улицу. Он должен был кинуть в Щенка свой список книг для чтения, прежде чем тот ушёл.

Понедельники, впрочем, были днём печатей (иногда это были дни сжигания печатей), особенно в связи с тем, что прошло две с половиной недели. После того, как он убрал посуду, Курама сложил всё необходимое на котаци, пожевал карандаш, обдумывая очередную теорему, которую он хотел попробовать. Все эти книги по математике хоть на что-то годились.

Он открыл блокнот. Замер.

Это был...

Кто-то сделал что-то с моделью печати, со всеми её компонентами. Это была последняя перерисованная версия, на чистой странице, готовая для рисования возможного ключа. Теперь там были пометки голубой ручкой и линии, разрезающие аккуратно нарисованные части. Почерк был курамин.

...Как высока была его температура?

Он прищурился.

...Что это был вообще за код? Он выглядел... Глупо. И смехотворно.

С сомнением он опустил ручку на бумагу. Он, вероятно, должен был зачеркнуть страницу и выдернуть её, но. Ну. Перерисовывание печати обычно занимало час.

Перечеркнуть матрицу здесь, привязать к основному хранилищу и через инь-ян повернуть набок эту часть, которая цепляла всю печать к системе чакры. Разобрать всё на части и повернуть нижнюю команду на девяносто градусов, так, чтобы она была поверх символов для

трансформации...

Спустя пять минут его ручка замерла.

Ключ идеально подходил.

<http://tl.rulate.ru/book/58665/1502545>